

Доктор искусствоведения, профессор ЛГТУ, член творческого Союза дизайнеров РФ, Doctor of Art Studies, Professor of Lipetsk State Technical University, member of International Academy of Natural History (United Kingdom-London), Doctor of Science, Honoris Causa.

Lipetsk State Technical University. Russia. 398055, Lipetsk, Moskovskaya str., 30. e-mail: kaf-tx@stu.lipetsk.ru

ДИЗАЙН И ВЫЗОВЫ VI-ОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

DESIGNE AND VI TECHNOLOGICAL REVOLUTION

Аннотация: Агрессивное наступление глобального «техногенно-цифрового» мира на традиционную культуру с ее ценностями, агрессивно наступающая VI технологическая революция обусловили возрастание интереса к материальному миру, во многом отражающему поле супер-кодов этнокультурного традиционного своеобразия. Некоторые современные теоретики видят в этом одни из возможных вариантов гуманизации глобальной предметно-пространственной среды современной цивилизации, путем придания ей хоть какой-то духовной и культурной осмысленности. Существуют, однако, более прагматические и даже пессимистические прогнозы состояния и дальнейших перспектив развития современной проектной культуры в рамках ее пост-модернистской парадигмы. Дело в том, что всякие вчерашние утопии ставшие реальностью неизбежно попадают в руки политиканов, причем, часто далеко не самых нравственных. Исходя из этого, представитель корпорации дизайнеров сегодня нуждается не столько в свободной возможности моделировать реальные процессы создания конечного продукта, сколько в необходимости хотя бы приблизительно просчитывать ближайшие и даже более отдаленные последствия своей проектной деятельности в культурно-социальном пространстве. Каким образом можно предвидеть или смоделировать технологические, следовательно, и социально-культурные реалии ближайшего будущего. И вообще, каков реальный сектор влияния традиционных смыслов и технологий в доле создания продуктов (объектов) современной дизайн-цифровой цивилизации? Революционное XX столетие породило в архитектуре и дизайне утилитарно агрессивное направление, получившее наименование «интернациональный стиль» опиравшееся на принципы рационального функционализма. Современные богословы и теоретики единодушно отмечают тот факт, что активная реализация этого лозунга в условиях высокоразвитой промышленности привело к созданию стандартно-обезличенной жизненной среды обитания. В ряду различных негативных последствий такой стандартизации реальную угрозу представляет фактическое выхолащивание национального своеобразия (этнокультурной идентичности предметного мира), окружающего современного человека. Некоторые специалисты вполне обоснованно рассматривают современную дизайн-проектную культуру сводящую все многообразие бытия лишь к алгоритмам проектной деятельности, в качестве источника социально-средового напряжения и даже отчуждения. Современная проектная деятельность вне смыслов и кодов традиционной культуры неизбежно создает и активно воспроизводит среду человеческого обитания с опорой лишь на утилитарно-функциональные потребности.

Ключевые слова: Технологическая революция, современный дизайн, польза, прочность, красота, материал, технология, «интернациональный стиль», форма, глобальная экономика.

Summary: Approach of global "tekhnomir" to traditional cultural values, crisis of "international style", the coming VI technological revolution - caused escalating interest in a material world as to reflection to the traditional world of an cultural originality. Some modern theorists see in it one of possible ways of a humanization of the modern subject and spatial environment, giving of spiritual and cultural intelligence to it. However, there are also more pragmatistical (even pessimistic) forecasts for a state and further dynamics of ways of development of modern design designe culture (in its post-non-classical scientific understanding). Any innovations (yesterday's utopias) fall into hands of political masters (and it is frequent not the most moral). Therefore the modern designer not only (and not so much) needs opportunity to model, real physical (in the form of analogies and models) processes of creation of the product, how many ability to expect (or at least to count) the closest welfare consequences of the activity. How we can expect (to simulate) technological, so and welfare opportunities, the near future and what share of traditional technologies (and it is equal also meanings) in products of a modern design civilization? In the XX century when in architecture and design distinctly there was a direction which received the name "international style" (so-called "the modern movement") it aggressively relied on the principles of a radical functionalism. Theologians, philosophers, culture and theorists of modern design fairly note that implementation of this slogan in the conditions of advanced industrial production led to creation of the standard and depersonalized vital environment. Among various negative

consequences of such standardization real threat is posed by the actual emasculation of a national originality (cultural identity of the subject world), the surrounding modern person. Some experts quite reasonably consider that the modern design with its vigorous design activity ("project" as a form of any activity means) - can become a source of environmental tension and even alienation if he creates the environment of human dwelling, relying only on the utilitarian and functional requirements existing out of images (meanings) of traditional spiritual culture.

Keywords: Technological revolution, advantage, durability, beauty, material, technology, form, culture and theorists of modern design, "international style".

Введение. Современные социально-экономические теории свидетельствуют о том, что человечество вступает в VI-ой технологический период, наступивший примерно с 2010 г. Этот новый общественный уклад обеспечен возникновением нано-электроники, молекулярная и нано-фотоники, созданием новых нано-материалов и наноструктурированных покрытий, с помощью нано-системной техники, нано-биотехнологии, информационных, когнитивных и социо-гуманитарных технологий (так называемая НБИКС-конвергенция). Всемирная история художественно-технического развития свидетельствует, что появление любых новаций в сфере новейших научно-художественных принципов, научно-промышленных технологий, материалов сказываются не просто на решении утилитарных формально-композиционных проблем, но и на смене социально-культурных кодов цивилизации. Любые новации, считавшиеся прежде утопиями, позднее неизбежно попадают в руки политиканов. Цифровое искусство которое оперирует понятием «виртуальная реальность» (от лат. *Virtualis* – «возможный») сегодня являет нам наглядные примеры. Объекты, существующие вне реального пространства, могут возникнуть в виртуальном поле лишь при заранее заданных и определенных условиях. Сегодня виртуальность рассматривается в качестве потенциального состояния некоего «самостоятельного» бытия, или как возможная предрасположенность к конструированию событий и состояний, реализация которых происходит лишь при определенных условиях посредством определенных технологий. С помощью современных цифровых технологий и компьютерных средств уже осуществимо реальное «проникновение» в иллюзорный, выдуманный мир, который настолько имитирует «реальность», что субъект практически не различает объекты и события двух миров. Особенно опасно эти возможности влияют на процессы социального проектирования, в которых, по сути, осуществляется системная интеграции процесса манипулирования общественным сознанием через чисто технологические процессы обработки огромных объемов информации. При этом, все более глубокое погружение творческой проектной деятельности человека в сферу компьютерных технологий неизбежно сопровождается усилением произвольно-личностного концептуального начала при интуитивном осознании некоего над-личностного «информационного поля». Все это естественным образом порождает совершенно новое понимание каноничности в искусстве, религии и культуре. Современное виртуальное искусство пытается воспроизводить уже не просто знаки, а проектировать саму реальность, что выглядит, по меньшей мере, вызывающе парадоксально. И это понятно, ведь реальность являет собой то, что обладает подлинным бытием, а виртуальная (искусственная) подстройка под реальность не может обладать той же степенью подлинной бытийности, как бы «реалистично» она ни была создана. Уже хотя бы потому, что виртуальность сама остро нуждается в подлинном бытии, которому она вынуждена подражать как эталону. Другими словами, имитация всегда неизбежно вторична. Понятно, что любая установка на созидании некой «новой реальности» не приводит к расширению границ познания подлинного бытия, она приводит лишь к имитации (суррогату) этого бытия. Пока постмодернистские «фигли-мигли» с подделкой реальности все ещё выглядит «безобидной» шуткой, иногда возможно «милым» розыгрышем ими как-бы неприлично заниматься всерьёз. Однако, «научная» терминология, смягчающая «неоконовскую» концепцию подделки реального бытия, уже активно создаётся достаточно серьезными

учеными. Например, сама глобальная индустрия новейших виртуальных продуктов уже обогатила нас понятием «дополнительной реальности». Взирая на мир сквозь «виртуальные очки» цифрового устройства, наблюдатель видит не только то, что реально существует, но и другие (иные) визуальные объекты, которые искусственно созданы с помощью новейших цифровых технологий. При этом необходимо учитывать постоянный качественный рост технологий визуализации, и достижение того уровня восприятия, когда присутствие в искусственном образе объектов виртуальной реальности будет сложно распознаваемым, приближается неизбежно. Подобные технологии уже повсюду используются в современном виртуальном искусстве, где с помощью специальных технических средств зритель активно меняет своё восприятие предъявленного арт-объекта. Давая возможность увидеть два-три (и более) состояния одной и той же реальной проблемы, современный дизайнер получает новое смысловое поле. С помощью дополнительного семантического средства он может активно пытаться сообщать зрителю нечто иное. Сегодня становится ясным, что современный дизайнер не столько нуждается в моделировании реальных физических процессов, хотя бы в виде аналогий и моделей, сколько в умении просчитать или предвидеть и ближайшие и более отдаленные социально-культурные последствия своей профессиональной деятельности. Извечная антиномия дилеммы «гений и злодейство» в человеческой деятельности никуда не исчезает. Каким образом наука обязана предвидеть или хотя-бы смоделировать технологические и социально-культурные реалии, ближайшего будущего. Какова доля традиционных смыслов в итоговых продуктах проектной цивилизации? *Цель исследования.* В течение агрессивного развития промышленности XX столетия естественным образом в дизайне сложилось т. н. «интернациональное» направление, которое достаточно прочно опиралось на принципы радикального функционализма. Большинство богословов, философов, культурологов и теоретиков дизайна отмечают, что реализация этого лозунга в условиях высокоразвитого производства привела к формированию стандартизированной обезличенной жизненной среды. Наряду с негативными последствиями такой стандартизации более серьезную опасность представляет фактическое выхолащивание национальной и этнокультурной идентичности традиционного предметного мира, который пока еще окружает современного человека. Сегодня все более актуальной становится утверждение – «интернациональный» дизайн с глобальной парадигмой «всеобщего проектирования», как формой любой деятельности становится источником средового напряжения. Такой унифицированный подход «проектирования всего» неизбежно будет формировать некую «идеальную» среду, которая базируется, прежде всего, на функциональные смыслы, часто находящиеся за пределами образов традиционной культуры. Поэтому стоит обратить внимание на формулировки основных культурологических проблем современного дизайна в работе А. Н. Лаврентьева. [1., 13] Возникнув, как отражение диалектической пары «вещь и культура», в которой вещь есть воплощенный в материале выразитель стиля и образа жизни, дизайн, как один из способов формирования новой реальности, неизбежно подходит к замене прежней традиционной доминанты приоритета материального объекта на новую доминанту приоритета носителя информации. В свою очередь, это приводит к новой дилемме культура и цивилизация в восприятии и отображении через любую форму проектирования. Таким образом, наступление новых глобальных технологий на традиционные культурные ценности, кризис наступающая VI-я технологическая революция - обусловили активный интерес к традиционному материальному миру этнокультурного своеобразия. Восторженные поклонники «глобального общества» видят в таком парадоксе вектор выбора наиболее оптимальных направлений всеобщей «гуманизации» глобальной предметно-социальной среды, путем построения «новой духовно-культурной» осмысленности. Существуют, однако, и более пессимистические прогнозы дальнейшей динамики развития современной дизайн-проектной культуры. [2.] *Результаты исследования.* Один из многих наиболее пессимистических прогнозов

революционно-технологического развития современной цивилизации приводит Сэм Альтман, глава знаменитого инкубатора **Y Combinator**, который высказывает свои опасения о том, чем грозит нам VI технологическая революция: «В человеческой истории было три великих технологических революции (и множество более мелких). Три главных - сельскохозяйственная, промышленная и та, которая идет прямо сейчас, - софтверная революция. Великие технологические революции повлияли на то, чем большинство людей занимаются каждый день и как устроено общество. Предыдущая (промышленная) революция создала множество рабочих мест, потому что новая технология требовала огромного количества людей. Но это была аномалия, а не нормальный ход развития технологий. И поэтому люди думают - возможно, подсознательно - что технологическая революция всегда хорошо влияет на личное экономическое положение большинства людей. Похоже, что софтверная революция сделает то же, что делают обычно технологии - создаст новое богатство, но уничтожит рабочие места. [3.] Конечно, мы, наверное, найдем что-то новое, чтобы удовлетворять безграничные человеческие запросы. Но хватит притворяться, что софтверная революция сама по себе хорошо скажется на зарплатах. Технология дает дополнительную подпорку талантам и удаче, что в результате приводит к концентрации богатства и усилению неравенства. Думаю, что резкое имущественное неравенство станет, вероятно, одной из главных социальных проблем следующих 20 лет. Мы можем перераспределять богатство (и сделаем это), но это все-таки не решает другую проблему - людям нужно делать что-то, приносящее им удовлетворение. Держаться за бессмысленные рабочие места - идея ужасная, но популярная. Пытаться найти новую работу для миллиардов людей - идея хорошая, но очевидно, очень трудная в реализации, потому что какими бы ни были эти рабочие места, они, вероятно, будут фундаментально отличаться от всего того, что существует сегодня. Так что какое-либо осмысленное планирование практически невозможно. Однако нынешняя стратегия - «давайте притворимся, что Трэвис Каланик просто шутит, когда говорит о самоуправляющихся автомобилях, и что **Uber** будет вечно создавать миллионы рабочих мест» - явно неадекватный ответ». [4.] Ряд серьезных аналитиков с тревогой отмечают, что наиболее опасный вызов современной софтверной революции это неизбежная концентрация власти в относительно небольших замкнутых группах. Софтверная революция неизбежно привоидет нас к тем последствиям, к которым исторически всегда приводило внедрение новых технологий. Все больше информации, а значит и власти будет неизбежно концентрироваться в небольших социальных группах. С. Альтман отмечает тот факт, что «...Два крупнейших риска, которые проистекают из революции софта - искусственный интеллект (ИИ) и синтетическая биология - могут дать небольшим группам или даже отдельно взятым людям колоссальные возможности причинять другим вред. Вероятно, и сейчас уже возможно разработать и произвести в маленькой лаборатории страшную болезнь. Развитие ИИ, способного положить конец человечеству, может потребовать усилий всего нескольких сотен людей, находящихся где угодно и не имеющих иного оборудования, кроме ноутбуков. Новые экзистенциальные угрозы не потребуют ресурсов национального масштаба». [4.] Таковы основные проблемы дальнейшего революционного развития современного глобального миропорядка. С. Альтман справедливо обозначает проблему: «...Мы не можем сделать знание обо всем этом незаконным и надеяться, что все будет хорошо. Мы не можем остановить технологический прогресс. Думаю, лучшая стратегия - это ввести на уровне закона разумные ограничения, но приложить все усилия, чтобы преимущество, получаемое благодаря технологиям, сильнее на стороне добра, чем на стороне зла. Если мы можем синтезировать новые болезни, то, наверное, мы сможем синтезировать и вакцины. Если мы можем создать зловердный ИИ, то, наверное, мы сможем создать и хороший ИИ, который его остановит. Сегодняшняя стратегия глубоко ошибочна. В этот раз все будет не как с атомной бомбой, и чем раньше мы перестанем притворяться, тем лучше. Тот факт, что у нас еще не предпринято серьезных усилий, чтобы остановить угрозы, исходящие от

новых технологий ИИ и синтетической биологии, просто поражает. Хочу подчеркнуть, что я поклонник софтверной революции, и мне повезло, что я родился в эти времена. Но боюсь, мы выучили неверные уроки в прошлый раз, и две эти проблемы - масштабное уничтожение рабочих мест и концентрация огромной власти - упущены из виду». [4.] Кроме того, наиболее актуальным становится вопрос современной демографии. Кто же в полной мере будет пользоваться плодами шестого технологического уклада? Увы, это будут отнюдь не европейцы (в том числе и не россияне). Согласно некоторым прогнозам, если в 1960 годах люди европейского происхождения составляли четверть мирового населения, то в 2000 году они составили уже одну шестую часть, а к 2050 году европейцы, скорее всего, будут составлять всего лишь одну двадцатую населения Земли! Такова пугающая статистика демографии исчезающей европейской расы. Сегодня распространение такой статистики среди широкой публики вызывает в Европе панические настроения. Еще менее 20 лет назад, в 2000 году европейское население от Исландии до России, составляло порядка 728 миллионов человек, однако при сохранении существующего уровня рождаемости в Европе численность коренных европейцев к 2050 году сократится примерно до 600 миллионов человек. Таков неутешительный прогноз Демографического отдела ООН сделанный в докладе от 28.02.2001 года «Перспективы мирового населения: ситуация 2000 года». Согласно более пессимистичным прогнозам, коренное население Европы к 2050 году сократится до 556 миллионов человек. Такое апокалиптическое сокращение жителей старушки Европы сравнимо разве что с массовой гибелью европейского населения во время эпидемии чумы 1347-1352 гг. [5.] Бизнесмены и политики ЕС и России пытаются найти решение проблемы в росте трудовой миграции, но многолетний опыт Франции демонстрирует практически полное отсутствие ассимиляции мигрантов в социуме. Прибывшие мигранты проживают отдельными социально-религиозными анклавами (часто весьма патриархальными) и достаточно агрессивно навязывают толерантным европейцам собственный образ жизни. Научной базой современного технологического уклада послужило среднее и высшее образование, сформированное научными школами предыдущих десятилетий. Сегодня создать такие научные школы на месте образования, основанного на системе тестов и ЕГЭ, увы, не получится. Значит уже сейчас необходимо срочно организовывать преемственность культурных кодов от быстро стареющего поколения индустриальной эпохи, тем, кто способен адекватно понять, осмыслить и приумножить это наследие. Безусловно, любые оптимистические или пессимистические прогнозы описывают лишь потенциальные возможности революционных технологий. Эти прогнозы не гарантируют применения достижений «материала-формы-технологий» на благо всех социальных слоев общества. Данная формула вообще не учитывает нравственную составляющую новых технологий, но ведь творчество без нравственности чаще всего порождает преступление. [6.] Витрувианский принцип «прочность-польза-красота» отличался высокомерным отношением дизайнера к любому материалу «...как к аморфному и инертному», который можно формировать и структурировать на основании «точного знания» о векторе прогресса. [7., 29] Современная пост-модернистская проектная культура VI-ой технологической революции отличается «слабой» установкой проектного сознания при которой нет проектного авторитаризма. Особо важным и продуктивным представляется выход современного дизайнера на концепцию «само-проектирования». [7., 30]. При таком подходе естественно вытекает логика применения принципа коллажа как ведущего метода при создании композиций и способов оценки каких-либо явлений. Однако, стоит отметить, что коллаж уместен лишь формализованном (искусственном) пространстве, где заранее оговорены некие условности, принимаемые априори. При реальной жизни такие условности возникают естественным образом, постоянно диктуя изменяющиеся «правила игры» в ходе всего процесса многообразия жизни. Формирующийся сегодня, т.н. «культурологический подход в дизайне» пытается стать той защитной реакцией «организма», который пытается противостоять вызовам времени. При таком подходе

стоит рассматривать процесс дизайн-проектирование как естественный закономерный этап развития человечества, как особую проектную деятельность, направленную на интеграцию материальной и художественной культуры, а предметная среда становится воплощением образа жизни. Поэтому в рамках культурологического подхода легко объясним возрастающий интерес к предметному миру традиционных доиндустриальных культур. Парадоксально, но победное наступление глобального «софтверного» мира на традиционные культурные ценности предопределили повышение интереса к миру этнокультурного своеобразия. Некоторые хотели бы видеть в этом одно из направлений «обновления» социально-пространственной среды, путем придания культурно-духовной осмысленности создаваемым объектам. Повышенное внимание, при этом подходе, стараются уделять проблемам национального своеобразия, их связи с традициями национальной культуры. Весьма распространена сегодня практика приглашать для реализации конкретных проектов иностранных дизайнеров. Ведущие мировые дизайнерские школы стали уделять особое внимание изучению культурно-исторического и духовного опыта, традиций материальной культуры «третьего мира», которые раньше не попадали в мировосприятие «цивилизованного мира». Однако, несмотря на данные тенденции, интеллектуальная и социальная сегрегация социума в ходе дальнейшего развития VI-ой софтверной революции будет продвигаться все более интенсивно. Резервации новых «дикарей», не сумевших вписаться в VI технологическую революцию (О. Хаксли), вряд ли будут мирно сосуществовать совместно с бурно растущими супер-мега-полисами. Скорее всего, «орды новых варваров» все активнее будет вмешиваться в технократические планы глобального общества, и они будут требовать для своего поселения места, которые им больше понравятся. В таком уже близком будущем рядом с гигантскими супер-мегаполисами с «умными» дворцами, с искусственным интеллектом, будут расти обыкновенные бараки переселенных «дикарей и варваров». Жители таких бараков когда-нибудь вдруг захотят погромить счастливых владельцев дворцов, угостив их, например, «коктейлем Молотова». История человечества свидетельствует тот факт, что по мере своего технологического развития и достижения определенного состояния «самодовольства» любая цивилизация деградирует численно. Рост рождаемости цивилизованного общества обратно пропорционален росту уровню образованности и социальной защищенности его граждан. Высокоразвитая цивилизация, достигшая такого уровня неизбежно рано или поздно, гибнет под натиском более агрессивных и плодовитых «варваров». Возможен также вариант, что наша техногенная цивилизация захочет компенсировать это численное неравенство за счет создания «биороботов», поскольку рано или поздно VI технологическая революция приведет нас к созданию кибер-био-форм. Существует и некоторая надежда, в духе теорий У. Морриса, на «возрождение» духа патриархальной «старины». Согласно такому утопическому «прогнозу» может быть, в будущем вдруг появится общественное движение за жизнь в гармонии с природой и без засилья техники. Может быть у человечества хватит разума, воли и сил притормозить техногенное самоубийство в «разумных пределах» без угрозы исчезновения человека, как разумного биологического вида. *Заключение.* Современный мир, постоянно танцующий на грани войны и мира, нищеты и сверхприбыли, чувственных удовольствий и страха, видимо проявляется желание создать супер-пару «материал-форма» с помощью разнообразных «новых технологий». Однако, благостные грезы современного человека потерявшего традиционное мировосприятие как правило, попадают мимо цели. Воспаленные «виртуальные откровения», воспринимаются как некое «более глубокое» познание, но фактически являются лишь галлюцинациями или извращениями. Сформированные длительным периодом революционного нигилизма – гордость, бунтарство, ненависть, насилие и разнузданность не могут исчезнуть сами по себе. Эти качества неизбежно будут трансформироваться в различные культурно-религиозные практики, постоянно развиваясь в русле какого-то «нового христианства». Бурный турбулентный поток этих нерешенных проблем, полярных идей, скрытых

комплексов стремительно движется в сторону структурирующей эту хаотичность стабильности. Современное искусство и традиционный дизайн все-еще пытаются старой доброй парадигмой эстетики сохранить подобие целостности связки «нравственность-творчество» как процесса сотворения символов и знаков. Пытаясь вернуть старую добрую триаду «прочность-польза-красота», когда создаваемые объекты были обращены к людям и выражали смысловое отношение автора к вещам. Увы, художественно-проектная деятельность без нравственного начала, оперирующая утилитарной триадой «материал-форма-технология» неизбежно приведет к появлению «постиндустриального» человека озабоченного лишь собой. Этот «всемирный» человек будущего, видящий в людях не «образ божий», а лишь «материал-форму» для собственного самоутверждения с помощью любых технологий. Через «ящик Пандоры» VI-ой технологической революции неизбежно будет претендовать на роль создателя «прекрасного нового мира».

Литература:

1. Цифровые технологии в дизайне. История, теория, практика: учебник и практикум для вузов/под редакцией А.Н. Лаврентьева. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 208 с. (серия авторский учебник)
2. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М. Дело. 2012. 232 с.
3. Овчинников В.В. Глобальная конкуренция. М. ИНЭС 2007. 358 с.
4. Альтман Сэм blog.samaltman.com/the-software-revolution
5. Овчинников В.В. Технологии глобальной конкуренции. М. ИНЭС- МАИБ .2012. 280 с.
6. Орлов И.И., Александров Г.И., Горчаков Е.А. Витрувианская триада «польза, прочность, красота» и вызовы «-ой технологической революции»\«Материал-технология-форма как универсальная триада в дизайне, архитектуре, изобразительном и декоративном искусстве». Сборник материалов международной научной конференции. – М., 2018. С. 537 С. 290-298.
7. Курьерова Г.Г. Проектная концептуалистика 80-х годов: новое мышление и «иное» мышление. – Труды ВНИИТЭ. Серия Техническая эстетика, № 60. Творческие направления в современном зарубежном дизайне. М., 1990.

